

**Елена К.
Инспектор по
чудесам: как я
проверял магию на
соответствие ГОСТам**

Елена К.

**Инспектор по чудесам:
как я проверял магию
на соответствие ГОСТам**

«Автор»

2026

К. Е.

Инспектор по чудесам: как я проверял магию на соответствие
ГОСТам / Е. К. — «Автор», 2026

Ты думаешь, чудеса — это гром и молнии? А вдруг они тише: в варежке, забытой на скамейке, в лифте, который везёт, когда признаёшься, что устал, в мороженом, которое не тает, если им поделиться. Михаил годами «чинил» аномалии, пока не встретил Киру с её потрёпанным блокнотом. Вместе они поняли: странные вещи в Октябрьском — не сбой системы, а язык заботы. И начали собирать «Городскую книгу чудес» — справочник, где каждое чудо отмечено не звёздочкой, а добрым поступком. Это история о городе, который кивает в ответ на искреннее «спасибо», о светофоре, загорающемся зелёным от чьей-то доброты, и о людях, которые наконец-то перестают чувствовать себя одинокими. Тёплая, ироничная и невероятно уютная проза с щепоткой абсурда и огромной порцией человечности. Для тех, кто верит: мир добрее, чем кажется, — надо только присмотреться. Открой «Городскую книгу чудес» и найди своё доброе место.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы.	5
Глава 1. Домовой, который не читал ГОСТ	6
Глава 2. Холодильник, который хотел быть дзен-мастером	11
Глава 3. Библиотека, где книги знают, что тебе нужно (даже если ты сам не знаешь)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена К.
Инспектор по чудесам: как я проверял
магию на соответствие ГОСТам

Все Главы.

Глава 1. Домовой, который не читал ГОСТ

Понедельник начался так, как и должен начинаться понедельник у нормального человека, — с желания не вставать.

Михаил лежал в кровати и смотрел в потолок. Потолок смотрел в ответ. Между ними существовала негласная договорённость: Михаил не требовал от него обновления, а потолок не осыпался. Так продолжалось уже три года, и обе стороны были довольны.

Телефон зазвонил в 7:14. На экране высветилось: «Лариса, диспетчер». Лариса звонила только в двух случаях: когда что-то горело или когда что-то чудесато. Первое было проще — там хотя бы понятный протокол. Звонок в пожарную, запись в журнал, утренний кофе с привкусом пепла. Со вторым всё сложнее. С чудесами нельзя было просто позвонить в пожарную. Хотя Михаил иногда думал, что пожарные справились бы быстрее.

— Михаил Сергеевич, — голос Ларисы был ровным, как линия на кардиограмме умеренно здорового человека. — Заявка. Аномальное явление. Подъезд номер три, дом двенадцать по улице Лесной. Природа явления — домовой.

Михаил закрыл глаза и мысленно пересчитал до пяти. Потом до десяти. Потом до пятинадцати, потому что до пяти не помогло.

— Домовой, — повторил он с интонацией человека, которому сказали, что в его шкафу живёт наркоман, и он обязан провести с ним воспитательную беседу.

— Да. Жильцы жалуются. Он раздаёт советы. Не спросив.

— Советы.

— Непрошенные. И очень настойчивые. Вчера он сказал Тамаре Петровне, что она неправильно расставила цветы.

— А Тамара Петровна, надо полагать, была в восторге.

— Тамара Петровна написала жалобу на трёх страницах. С эпиграфом.

Михаил сел на кровати. За окном Волгоградская область просыпалась с тем особенным оптимизмом, который бывает только у людей, точно знающих, что день будет хуже вчерашнего. Над крышами Октябрьского поднималось солнце, безразличное к бюрократическим проблемам человечества. Где-то за горизонтом, в области, про которую никто не думает с утра, росла пшеница и не знала, что её скоро проверят на соответствие стандарту «злаковые культуры, категория А».

— Лариса, — сказал Михаил терпеливым тоном, который обычно применяют к детям и к начальству. — Напомни мне, с какой стати я должен ехать к домовому? У нас есть отдел «М», отдел «Ф» и целых три стажёра, которые, насколько я помню, завалили аттестацию, но всё ещё числятся.

— Стажёры вчера подрались с лешим в парке Победы. Они на больничном.

— Подрались? С лешим?

— Они попытались проверить его документы. Он обиделся.

Михаил вздохнул так, будто этим выдохом пытался изгнать из себя всю надежду на нормальный день. Надежда не ушла. Она просто спряталась за печенью и затаилась.

— Хорошо. Еду.

Он встал, посмотрел на себя в зеркало. Зеркало показало тридцатидвухлетнего мужчину с лицом человека, который когда-то мечтал стать юристом, но судьба сказала: «Нет, ты будешь инспектором по чудесам. И тебе понравится». Ему не понравилось. Но он привык. За четыре года можно привыкнуть ко всему — даже к тому, что в твоём служебном автомобиле мигает лампочка с надписью «Чудеса возможны». Михаил давно хотел её заклеить изолентой, но изолента, по иронии, кончилась.

Служебный автомобиль — «Гранта» 2019 года, по документам «транспортное средство повышенной мистической устойчивости», по факту просто «Гранта» — стояла у подъезда. На лобовом стекле красовалась наклейка «Инспекция по надзору за аномальными явлениями», а под ней, мелким шрифтом: «Мы не верим в чудеса. Мы их проверяем». Этот слоган придумал начальник отдела, который потом ушёл в монастырь. Говорят, ему там тоже не давали покоя — но хотя бы без отчётности.

Михаил сел в машину, завёл двигатель. Двигатель кашлянул, как стажёр после первой встречи с лешим, но завёлся. По пути на улицу Лесную Михаил проехал мимо памятника, мимо рынка, мимо бабушки, продававшей семечки, и мимо пешехода, который перешёл дорогу по зебре, не глядя по сторонам, — то есть совершил поступок не менее чудесный, чем всё, что Михаил должен был сегодня проверять.

Подъезд 3 дома 12 по улице Лесной встретил его гулом труб, запахом побелки и атмосферой здания, которое явно что-то скрывало. Стены были покрашены в тот цвет, который бывает, когда строители не могут выбрать между «светло-серый» и «отчаяние» и в итоге мешают оба. На первом этаже висел стенд с объявлениями: «Продам гараж», «Сдам комнату» и, почему-то, «Куплю старые сны. Дорого. Звонить после полуночи». Михаил сфотографировал последнее. Возможно, это была просто шутка. А возможно — его следующая заявка.

У двери квартиры, у которой якобы обитал домовый, стояла консьержка. Вернее, она называлась «консьержка», но по факту была Тамара Петровна — женщина лет пятидесяти пяти, с лицом, на котором было написано: «Я видела всё, и мне не понравилось». Она смотрела на Михаила так, будто он пришёл не проверять домового, а отбирать у неё ключи от подвала. Или, что ещё хуже, от батареи.

— Вы инспектор? — спросила она тоном, которым обычно спрашивают: «Вы точно врач?».

— Инспектор по надзору за аномальными явлениями, — Михаил показал бейдж. — Иванов Михаил Сергеевич. Заявка поступила в 7:14. Жалоба на непрошенные консультации со стороны субъекта неустановленной природы.

Тамара Петровна посмотрела на бейдж так, будто это был не документ, а рецепт от болезни, которую она не считает болезнью.

— Он не консультирует, — сказала она. — Он критикует. Вчера он сказал, что я неправильно расставила цветы. Они, видите ли, «спорят между собой». А позавчера он заявил, что почтовый ящик на втором этаже «слишком пессимистичен». Что это значит — «пессимистичный почтовый ящик»?

Михаил достал бланк. Бланк был стандартный, форма 7, утверждённый приказом 342-Р от 15 марта прошлого года. В графе «характер явления» нужно было выбрать один из вариантов: «полтергейст», «привидение», «домовой», «прочее». Михаил подчеркнул «домовой» и подумал: а что, если домовый обидится на то, что его отнесли к категории, а не к личности? С другой стороны, это была бумага. Бумага не имела чувств. Чувства имела только Тамара Петровна, и те были на пределе.

— Ещё, — продолжила Тамара Петровна, набирая обороты, как поезд, который уже не остановить, — он комментирует мой телевизор. Я смотрю программу про сад, а он говорит: «Зачем ты смотришь про чужой сад? У тебя свой есть. Только ты его забросила». При чём тут мой сад?!

— Понятно, — Михаил записал. — Субъект проявляет вербальную активность в форме непрошенных рекомендаций. Зона действия — подъезд. Есть ли факты физического воздействия?

— Какого воздействия?

— Вещи двигаются? Продукты пропадают? Электричество моргает?

— Нет. Он только говорит. Но говорит так, что хочется... — Тамара Петровна не закончила, но по её лицу было видно, что заканчивать она хотела словом «уехать».

В этот момент из-за батареи — старой, чугунной, с облупившейся краской, которая держалась на ней из чистого упрямства — донеслось:

— И ещё скажи ему, что у тебя ручка не пишет. Она устала.

Михаил замер. Ручка действительно не писала. Он нажал — раз, другой. Чернила не шли. Он посмотрел на батарею, потом на ручку, потом снова на батарею.

— Это ты сейчас сказал?

Из-за батареи выглянула голова. Маленькая, взлохмаченная, с глазами, как у кота, который знает слишком много. Кот, который знает слишком много, — это очень страшный кот. А домовый, который знает слишком много, — это ещё страшнее, потому что его нельзя прогнать, как кота. Ну, теоретически можно — выписать предписание и надеяться на лучшее. Но Михаил пока не встречал ни одного домового, который бы читал предписания.

— Ну а кто? — домовый смотрел на Михаила с выражением, которое можно описать как «вежливое презрение». — Я тут живу. Имею право высказываться. Это мой подъезд. Я его настроил.

— Настроил?

— Да. Акустику, освещение, атмосферу. Видишь, как лифт гудит? Это я. Красивый гул, правда? Ля-минор.

Михаил моргнул. Лифт действительно гудел. И действительно — немного как Ля-минор. Но он не собирался этого признавать.

— Так. У вас есть документы на проживание?

Тишина. Даже лифт перестал гудеть. Домовой уставился на Михаила с выражением, которое медленно менялось от «вежливого презрения» к «полному непониманию».

— Какие документы? Я домовый.

— Я понимаю. Но факт вашего присутствия в подъезде жилого дома должен быть оформлен. Уведомление о намерении проявлять сверхъестественную активность — форма 12, заполняется в двух экземплярах, один остаётся у субъекта, другой — в архиве отдела.

Домовой моргнул. Потом посмотрел на Тамару Петровну. Тамара Петровна посмотрела на Михаила. Михаил посмотрел на бланк. Бланк молчал. Все молчали.

— Ты серьёзно? — наконец спросил домовый.

— Абсолютно.

— Ты приехал ко мне — к существованию, которое живёт здесь, возможно, дольше, чем этот дом стоит, — и просишь документы?

— Это регламент.

— Регламент, — повторил домовый, будто пробуя слово на вкус. Слово ему не понравилось. — А ты знаешь, что я помню, как тут ещё поля были? Куда ни посмотришь — степь. А теперь — асфальт, парковка, «Пятёрочка». И ты приходишь ко мне с регламентом?

Михаил выдержал паузу. Он был хорош в паузах. Четыре года работы научили его одному: когда с тобой разговаривает нечто сверхъестественное, главное — не показать, что ты впечатлён. Впечатлённый инспектор — это бесполезный инспектор. Сверхъестественное питается удивлением. Если ты не удивляешься — оно теряет интерес.

— Я понимаю вашу ностальгию, — сказал Михаил ровным голосом. — Но(fields), пшеница и степь — это тема для отдельного разговора. У нас конкретная жалоба: непрошенные советы. Есть потерпевшая.

— Потерпевшая?! — домовый указал глазами на Тамару Петровну. — Она цветы ставит как попало. Герань смотрит на фикус. Фикус нервничает. Я что, молчать должен?

— Вы должны молчать, если вас не спрашивают. Это правило хорошего тона. И пункт 4.3 нашего регламента.

— У вас есть регламент хорошего тона?

— У нас есть регламент на всё.

Домовой расхохотался. Хохот у него был такой, как будто кто-то тряс мешок с желудями в пустой бочке. С потолка посыпалась пыль, лампочка мигнула, а Тамара Петровна инстинктивно закрыла цветы руками, будто они могли пострадать.

— Слушай, — домовой отсмеялся и вытер то, что у него вместо лба. — Ты лучший. Наконец-то кто-то, кто пытается загнать хаос в таблицу. Я тут двадцать лет живу — ни один человек не пришёл с бумажкой. Все просто крестятся или бегают. А ты — с бланком. С печатью. У тебя даже ручка есть.

— Была, — уточнил Михаил. — Она устала, если верить вам.

— Она правда устала. Я не шутил. У вас на работе что, чернил жалко?

Михаил посмотрел на ручку. Потом достал из кармана запасную — он всегда носил две, потому что верил в надёжность через дублирование. Это было единственное, во что он верил безоговорочно. Остальное — включая магию, чудеса и доброту людей — требовало проверки.

— Давай так, — домовой наклонил голову и посмотрел на Михаила почти дружелюбно. Почти — потому что домовые не умеют дружелюбно. Они умеют «менее враждебно». — Я больше не буду комментировать цветы. И почтовый ящик. И телевизор.

— И давать советы без запроса.

— И давать советы без запроса, — повторил домовой, будто подписывая контракт.

— А если очень захочется?

— Буду молчать. И шептать только в подушку. Как все нормальные люди.

— Вы не человек.

— Детали, детали.

Михаил поставил галочку в графе «урегулировано без протокола». Это означало: чудо имеет место, но нарушений не выявлено, потому что субъект согласился на добровольные ограничения. По сути, это была бумажная победа над хаосом. Михаил знал, что хаос вернётся. Хаос всегда возвращался. Но хотя бы на этой бумажке он был побеждён, и это грело.

Тамара Петровна выдохнула с таким облегчением, будто у неё из квартиры вынесли рояль.

— Слава богу. А то я уже думала переезжать. Из-за того, что он сказал, будто у коврика «тяжёлая судьба». Я с этим ковриком десять лет живу!

— Коврик действительно... — начал домовой.

Молчание.

— Молодец, — сказал Михаил, не оборачиваясь. — Молчи дальше. Так лучше.

На выходе из подъезда Михаил остановился, чтобы заполнить маршрутный лист. Погода стояла сентябрьская, тёплая, с тем особым ветерком, который приносит запах то ли спелых яблок, то ли выхлопных газов — и ты никогда не угадаешь, что именно. Во дворе дед в кепке чинил велосипед. Велосипед сопротивлялся. Дед тоже. Пока что ничья.

Телефон зазвонил.

— Михаил Сергеевич, — голос Ларисы был всё так же ровен. — Новая заявка.

Михаил закрыл глаза.

— Что на этот раз? Левитация? Пророк? Самовозгорающийся мусоропровод?

— Холодильник в квартире на проспекте Ленина. Жалоба от хозяина: «Отказывается хранить продукты. Говорит, они не в гармонии».

Михаил открыл дверь машины, сел, положил руки на руль и посмотрел вперёд. Лампочка «Чудеса возможны» мигнула, будто подмигивая.

— Конечно, — сказал он вслух. — Конечно, холодильник. Конечно, не в гармонии. А почему бы ему не быть в гармонии? Он же всего лишь холодильник. У него полка для яиц и ящик для овощей. Какая ему гармония?

Лампочка мигнула ещё раз.

— И не смотри на меня так, — сказал Михаил лампочке. — Ты не чудо. Ты индикатор. И если ты перегоришь, я не буду горевать.

Он завёл двигатель. Двигатель кашлянул. За окном дед наконец починил велосипед — или велосипед сдался, что более вероятно. Михаил выехал со двора и поехал на проспект Ленина.

Где его ждал холодильник-эстет с претензией на фэн-шуй.

Но это — уже следующая глава.

Глава 2. Холодильник, который хотел быть дзен-мастером

Проспект Ленина встретил Михаила привычной суетой: машины стояли в пробке, будто кто-то невидимый выставил невидимые конусы, а светофор мигал жёлтым, как будто сомневался, имеет ли он право управлять реальностью. Михаил припарковался рядом с киоском, где продавали шаурму, и на секунду подумал: а не закрыть ли эту смену досрочно, не оформить ли «самопроизвольное исчезновение аномалии» и не съесть ли шаурму с двойным мясом. Но внутренний голос (а точнее, голос начальника отдела, который умел звучать даже в пустой голове) напомнил: «Инспектор не бежит от чудес. Инспектор их документирует. Желательно в хронологическом порядке».

Квартира 47 встретила его запахом свежего кофе и тишиной, которая была слишком правильной — как бывает, когда в доме что-то сломалось, но никто не хочет об этом говорить. Хозяин квартиры, мужчина лет сорока в футболке с надписью «Я не спорю, я объясняю», смотрел на Михаила с надеждой человека, который уже пробовал всё: и перезагружал холодильник (да, он так делал), и стучал по дверце, и даже пытался с ним договориться по-хорошему.

— Он не злой, — сразу сказал хозяин. — Просто... принципиальный.

Михаил достал бланк. Форма 7, графа «характер явления» — тут он уже почти не глядя поставил галочку напротив «прочее». «Домовой» был вчера. Сегодня нужен новый пункт: «Бытовая техника с претензией на философию».

— Расскажите подробнее, — Михаил старался говорить спокойно, как будто речь шла о протечке трубы, а не о холодильнике, который, по словам диспетчера, «отказывается хранить продукты, потому что они не в гармонии».

— Ну вот, — хозяин махнул рукой в сторону кухни. — Вчера я положил кефир рядом с колбасой. Он... ну, холодильник... как будто вздохнул. Потом дверца сама приоткрылась, и кефир оказался на полке для овощей. А колбасу он вообще выставил на порог. Как будто выгнал.

— Выставил на порог?

— Да. Я вернулся из комнаты — а она лежит на коврике. С таким видом, будто говорит: «Пусть остынет. И подумает над своим поведением».

Михаил медленно кивнул. Это было не впервые. В прошлом месяце он оформлял акт на стиральную машину, которая сортировала бельё по «эмоциональному фону»: белые носки отправляла в отдельный отсек, потому что «они слишком напряжены». Но холодильник-эстет — это был новый уровень.

Он подошёл к холодильнику. Тот стоял гордо, как экспонат в музее современного искусства. На дверце красовалась наклейка «Не хлопай — я медитирую». Михаил на секунду задумался: а вдруг это просто чья-то шутка? Но потом заметил, что температура внутри была ровно на два градуса ниже нормы. И при этом компрессор работал так тихо, будто старался не нарушать дзен.

— Здравствуйте, — сказал Михаил, глядя прямо на дверцу. — Я инспектор по надзору за аномальными явлениями. У нас поступила жалоба на нарушение правил хранения продуктов.

Изнутри донёсся тихий, но отчётливый звук — будто кто-то глубоко вздохнул и сказал: «Опять».

Хозяин квартиры замер.

— Вы слышали? — прошептал он.

— Слышал, — кивнул Михаил. — Это считается как проявление вербальной активности. Фиксирую.

Он достал ручку (новую, свежую, не уставшую) и записал: «Субъект (холодильник) проявляет недовольство методами хранения. Использует невербальные сигналы (перемещение продуктов) и вербальные (вздохи, комментарии)».

— Послушайте, — обратился он к холодильнику уже без бланка, просто по-человечески. — У нас тут регламент. Продукты должны храниться в соответствии с температурным режимом и категорией. Кефир — на полке, колбаса — в ящике. Это не обсуждается.

«Это обсуждается», — вдруг чётко прозвучало изнутри. Причём голос был не жужжащий, не механический, а такой, будто говорил пожилой преподаватель философии, которому надоело объяснять очевидное.

Хозяин побледнел.

— Он... он правда говорит?

— Правда, — спокойно подтвердил Михаил. — У нас такие случаи бывают. Нечасто, но бывают. Обычно после установки новых прошивок или при повышенной влажности.

«Я не после прошивки, — снова прозвучало из холодильника. — Я после осознания. Я понял, что гармония важнее сроков годности».

Михаил прикрыл глаза. Ему вдруг очень захотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Например, в очереди в поликлинике. Или на совещании, где обсуждают, как правильно подписывать папки. Где угодно, где техника не философствует.

— Гармония — это прекрасно, — сказал он вслух. — Но у нас есть нормы СанПиН. И есть люди, которые хотят есть колбасу, не задумываясь о её эмоциональном состоянии.

«А если колбаса несчастна?» — не унимался холодильник.

— Тогда ей нужно в отпуск, а не в холодильник, — парировал Михаил. — Давайте договоримся: вы храните продукты как положено, а я... я не буду выписывать вам предписание о нарушении температурного режима.

«Предписание?» — в голосе холодильника послышалось что-то похожее на ужас.

— Именно. Форма 14. «О недопустимости самовольного изменения условий хранения». И штраф. Ну, не денежный, конечно... но моральный. Вас будут мыть с содой. Каждую пятницу.

Холодильник замолчал. Даже компрессор перестал гудеть. В квартире повисла тишина, в которой можно было услышать, как где-то в соседней комнате тикают часы и как хозяин квартиры пытается не дышать.

Потом дверца медленно приоткрылась — не резко, а так, будто извинялась. На полке аккуратно стояли кефир и колбаса. Рядом лежала записка, написанная маркером прямо на стенке: «Ладно. Но пусть кефир не стоит слишком близко к майонезу. Они плохо влияют друг на друга».

Михаил посмотрел на записку. Потом на хозяина. Потом снова на холодильник.

— Это считается как согласие на сотрудничество? — уточнил он.

«Считается», — тихо прозвучало изнутри.

Михаил поставил галочку в графе «урегулировано». Хозяин квартиры выдохнул так, будто с него сняли гирю.

— Спасибо, — сказал он, глядя на Михаила, как на спасителя. — А можно... можно я вам чаю налью? Или кофе?

— Лучше кофе, — кивнул Михаил. — И, пожалуйста, не из этого холодильника. Пусть он пока придёт в себя.

Пока хозяин возился с туркой, Михаил вышел на балкон, чтобы позвонить Ларисе.

— Заявка закрыта, — доложил он. — Субъект пошёл на контакт. Предписание не потребовалось.

— Отлично, — голос Ларисы был всё так же невозмутим. — Тогда следующая.

Михаил замер. Чашка кофе, которую он ещё не выпил, вдруг стала казаться недостижимой мечтой.

— Что на этот раз? — спросил он осторожно.

— Библиотека на улице Мира. Там книги начали сами выбирать, кому их читать. Одна отказалась открываться для Петра Семёновича, потому что «он слишком торопится». Другая сама прыгнула в сумку к студентке, хотя та её не брала.

Михаил закрыл глаза. Ветер с проспекта Ленина принёс запах шаурмы, и Михаил понял: сегодня он точно не успеет её съесть.

— Хорошо, — сказал он. — Еду.

И добавил уже тише, чтобы Лариса не услышала:

— Только пусть это будут просто книги. Пусть они не начнут читать меня.

Но где-то внутри он уже знал: если книги начали выбирать читателей, то рано или поздно они захотят что-то сказать и ему.

А это уже совсем другая история.

Глава 3. Библиотека, где книги знают, что тебе нужно (даже если ты сам не знаешь)

Библиотека на улице Мира выглядела как самое обычное место, где время течёт медленнее, а пыль пахнет мудростью. Двухэтажное здание с облупившейся вывеской «Центральная городская библиотека 3» и табличкой «Тишина обязательна» у входа. Только вот тишина тут была какая-то... внимательная. Будто не просто отсутствие звуков, а пауза, в которой вот-вот что-то скажут.

Михаил припарковал «Гранту» рядом с велосипедом, у которого переднее колесо было прикручено к ограде цепью, а заднее — надеждой. Он поправил папку с бланками, глубоко вдохнул (и тут же закашлялся — воздух в Октябрьском в сентябре пах смесью бензина, опавших листьев и лёгкой безысходности) и шагнул внутрь.

Внутри пахло старой бумагой, клеем и чем-то ещё — будто кто-то недавно заваривал чай с мятой прямо между стеллажами. За стойкой сидела библиотекарь лет шестидесяти с лицом человека, который видел всё: и как молодёжь ищет «Войну и мир» в разделе «Фэнтези», и как пенсионеры пытаются сдать книгу, которую брали в 1998м, и как книги начинают жить своей жизнью. Она смотрела на Михаила так, будто он пришёл не как инспектор, а как последний шанс спасти её нервы.

— Вы по заявке? — спросила она без приветствия, но с интонацией, в которой слышалось «пожалуйста, пусть это сработает».

— По заявке, — кивнул Михаил. — Книги, которые выбирают читателей. И, возможно, читают мораль.

Библиотекарь вздохнула так, будто этот вздох был частью её должностной инструкции.

— Да. Особенно отдел художественной литературы. Там вообще... — она понизила голос, — там теперь очередь.

— Очередь?

— К книгам. Не за книгами. А к книгам. Они сами решают, кому открываться. Вчера одна отказалась давать себя читать Петру Семёновичу, потому что «он слишком торопится». А сегодня утром «Преступление и наказание» само прыгнуло в сумку студентке. Она даже не тянулась. Оно просто... перелетело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.